

На столе лежали две книги. Цзи Ичэнь наугад взял одну из них и принялся рассеянно листать.

В этот момент вернулся Линь Хуай. Он собирался продолжить обсуждение утреннего дела с Цзи Линьчэнем, но, заметив Цзи Ичэня, тихо сидевшего на диване с книгой, вопросительно взглянул на Цзи Линьчэня.

Однако Цзи Линьчэнь лишь отмахнулся, сказав, что в этом нет ничего страшного. Он добавил, что отныне будет повсюду брать Цзи Ичэня с собой, а если тот посмеет хоть словом обмолвиться о том, что слышал, он тут же перережет ему горло.

Цзи Ичэнь, разумеется, услышал эти слова. В душе он холодно усмехнулся: лишить его жизни будет не так-то просто.

Его несколько не интересовало то, что собирались обсуждать Линь Хуай и Цзи Линьчэнь. Проявив «благоразумие», он поднялся, сказал, что подождет за дверью, и, прихватив книгу, вышел. Усевшись прямо на мягкий шерстяной ковер в коридоре, он принялся спокойно читать.

Книга, которую держал в руках Цзи Ичэнь, была посвящена истории войн разных эпох. С древних времен правители делились на победителей и побежденных: неважно, какая из тридцати шести стратегий была использована, если в итоге удавалось взойти на трон, история переписывалась, а победителя начинали превозносить.

Правда же оставалась лишь в сердцах тех, кто выжил, и нигде не была записана. Поэтому большинство подобных исторических хроник нельзя было считать достоверными — их стоило воспринимать лишь как развлечение.

Однако Цзи Ичэнь увлекся чтением настолько, что потерял счет времени. Он даже не заметил, как его живот начал издавать урчащие звуки. Стрелки часов на стене давно перевалили за обеденное время, но он не спешил вставать, чтобы поест: он был уверен, что не останется голодным, ведь кое-кто обещал пообедать вместе с ним.

Вскоре появился мужчина во фраке, кативший тележку с обедом. Он бросил взгляд на сидящего на полу Цзи Ичэня, а затем постучал в дверь. Дверь открыл Линь Хуай и тихо произнес: Цзи Фэн, генерал-майор сейчас занят, если есть что обсудить — вернись позже.

Мужчина по имени Цзи Фэн извиняющимся тоном ответил, что просит прощения, а затем указал на тележку, давая понять, что пришло время обеда.

Как только заговорил Цзи Фэн, Цзи Ичэнь вздрогнул. Этот голос принадлежал человеку, который стучал в дверь прошлой ночью, когда его истязал Цзи Яньчжи, и именно этот голос он слышал позже в кабинете Цзи Линьчэня, когда тот обещал присматривать за Цзи Яньчжи. Судя по наряду и поведению, этот человек был дворецким клана Цзи.

Давай отложим обед, сначала дай что-нибудь поесть этому малышу, — сказал Линь Хуай, указывая на Цзи Ичэня, сидящего у двери.

Цзи Ичэнь, разумеется, все слышал. Он поднял свое изящное, бледное личико, одарил Линь Хуая широкой улыбкой и вежливо поблагодарил его.

Линь Хуай, увидев эту сияющую улыбку, на мгновение замер. Затем он неестественно кивнул и закрыл дверь.

Еда с тележки, конечно, не предназначалась для такого раба, как Цзи Ичэнь. Цзи Фэн подошел и присел перед ним на корточки, его голос звучал холодно: Что хочешь съесть? Я принесу.

Цзи Фэн просто выполнял указание личного военного врача Цзи Линьчэня, но следующие слова Цзи Ичэня заставили его широко раскрыть глаза.

Похоже, должность дворецкого клана Цзи настолько расслабила тебя, что ты уже забыл, какое задание дал тебе хозяин?

Цзи Фэн нахмурился и пристально посмотрел на улыбающегося Цзи Ичэня. Сжав кулаки, он прошептал: Кто ты такой?

Цзи Ичэнь приложил пальчик к своим нежным губам, призывая к тишине, а затем указал на стену за спиной и прошептал четыре слова:

У стен есть уши.

Цзи Фэн, конечно, понял, что имел в виду Цзи Ичэнь. Но он внедрился в клан Цзи десятки лет назад, и почти все, кто знал его истинную личность, уже были мертвы. Если только его не прислал сам хозяин...

При этой мысли лицо Цзи Фэна стало еще холоднее. Он посмотрел на безобидного с виду Цзи Ичэня и кивнул: Тогда иди за мной на кухню, выберешь себе что-нибудь поесть.

Цзи Ичэнь не стал отказываться. Он поднялся и пошел следом за Цзи Фэном, а книга об истории войн так и осталась лежать на ковре, выглядя совсем одинокой.

Раз такова воля хозяина, я, Цзи Фэн, непременно буду охранять тебя и помогу завершить великое дело хозяина.

Говоря это, Цзи Фэн опустился на одно колено. Его черный фрак волочился по грязному, засаленному полу кухни, но он не выказал ни капли брезгливости или колебаний, почтительно склонив голову.

Цзи Ичэнь взял большое красное яблоко и откусил кусочек. Свежая, сладкая мякоть наполнила рот восхитительным вкусом.

Очень свежо, очень вкусно — как раз то, что нужно, чтобы расположить к себе Цзи Линьчэня.

Он взял еще одно яблоко из шкафа и положил его на тележку — это был обед, заново приготовленный для Цзи Линьчэня.

Раз знаешь, то и води себя соответственно. Не нужно постоянно падать передо мной на колени, будь как обычно, — тихо хмыкнул Цзи Ичэнь, взглянув на Цзи Фэна.

Цзи Фэн поднялся, вновь приняв свой привычный холодный вид, и сказал: Тогда будь добр, отнеси обед старшему господину, у меня есть другие дела.

Глядя на этого прирожденного актера, смертника клана Бай, Цзи Ичэнь согнул свои красивые глаза-фениксы и с любопытством спросил:

Цзи Фэн, а ты помнишь свое настоящее имя?

Цзи Фэн остолбенело смотрел на маленькую фигурку, удаляющуюся с тележкой. Никто и никогда не задавал ему такого вопроса. Когда он пришел в себя, то опустил голову; в его ярких глазах читалась невыразимая растерянность. Он был словно олень, заблудившийся в чаще леса, потерявшийся в густом тумане, не знающий спасения...

Однако Цзи Ичэнь, толкая тележку и похрустывая яблоком, даже не подозревал, что его мимолетный вопрос вызвал у Цзи Фэна такие глубокие раздумья о самопознании. Сейчас он думал лишь о том, как задобрить Цзи Линьчэня. В конце концов, главный герой Цзи Яньчжи позже отправится в армию, а он, Цзи Ичэнь, не может — он ведь всего лишь раб.

В будущем я буду повсюду брать этого малыша с собой.

Эти слова Цзи Линьчэнь сказал Линь Хуаю в кабинете утром. Хотя Цзи Ичэню не хотелось признавать, что «малыш» — это он, было очевидно, что Цзи Линьчэнь имел в виду именно его.

К словам этого умного и расчетливого молодого генерала Цзи Ичэнь решил относиться с долей недоверия. Если он не сможет поехать с ним сейчас, то, когда начнется война, он больше никогда не увидит Цзи Яньчжи.

А если Цзи Яньчжи взойдет на трон, то выполнить задание — поиздеваться над злодеем-королем Цзи Яньчжи — будет сложнее, чем достать луну с неба... Время поджимало сильнее, чем он предполагал.

Генерал-майор сейчас отдыхает, сказал, что пообедает позже.

Едва дойдя до двери, Цзи Ичэнь столкнулся с Линь Хуаю, который как раз выходил из комнаты.

Услышав это, Цзи Ичэнь поднял свое бледное, изящное личико и снова широко улыбнулся Линь Хуаю: Доктор Линь, а вы не хотите поесть?

Это была третья улыбка, которую Цзи Ичэнь подарил Линь Хуаю. В первый раз он улыбнулся, лежа на кровати, когда тот собирался накладывать мазь, и тихо поблагодарил за беспокойство. Второй раз — когда Линь Хуай попросил Цзи Фэна принести ему еды. А сейчас — третий.

Молодой врач, стоявший перед ним, покраснел и смущенно отвел взгляд, словно пытаясь что-то скрыть...

Неизвестно почему, но в голове Цзи Ичэня внезапно всплыла картина: Цзи Линьчэнь и Линь Хуай в кабинете на диване, их близость, переплетенные тела. Он невольно вздрогнул.

Если в комнате только что происходило нечто подобное, то это... это было слишком «по-мужски»...

Да, я как раз собираюсь в столовую. Кстати, как твои раны на спине? — Линь Хуай поспешил сменить тему, чтобы скрыть свое волнение.

Цзи Ичэнь улыбнулся и кивнул: Спасибо, почти зажили. И все благодаря вам, доктор Линь.

Линь Хуай на мгновение замер, глядя на милые клыки, показавшиеся из-за улыбки Цзи Ичэня. Его лицо вспыхнуло еще сильнее. Он отвел глаза, кашлянул и громко произнес: Кхм, мазь нужно продолжать накладывать, хотя бы месяц, иначе синяки не пройдут. И... не бери в голову то, что я сказал вчера. Я просто не одобряю поступки молодых господ из богатых семей, я не хотел тебя обидеть.

То, что Линь Хуай испытывал неприязнь к поведению Цзи Яньчжи, было вполне естественно. Он вырос в бедной семье, но, к счастью, родители любили его и, несмотря на огромное жизненное давление, вырастили достойным человеком. Он с детства видел, как в трущобах женщин использовали как машины для рождения детей, как торговали младенцами. Вид плачущих детей, которых продавали как товар, оставил глубокий след в душе маленького Линь

Хуая.

После того как он пошел в армию, Цзи Линьчэнь оценил его по достоинству. Линь Хуай хотел отказаться, но Цзи Линьчэнь дал ему дом в мегаполисе и сказал: Если не хочешь воевать, можешь поселиться здесь, быть врачом и спасать жизни — это тоже благородно. Когда он приехал за родителями, то снова увидел сцены продажи детей, привычные с детства. Он решительно продал этот дом, купил поместье в отдаленном городке, забрал туда родителей и тех женщин, которых удерживали силой. Будучи личным врачом Цзи Линьчэня, никто не осмеливался ему мешать.

Так Линь Хуай вернулся в армию, продолжил сопровождать Цзи Линьчэня в бесконечных походах и стал выдающимся заместителем генерал-майора, известным как Доктор-призрак.

Цзи Ичэнь, знавший предысторию персонажа, понимающе покачал головой, показывая, что не держит зла. Затем он сделал два шага к Линь Хуаю, поднял голову и, глядя на странный румянец на его лице, с тоской в ясных глазах-фениксах произнес:

На самом деле, я бы тоже хотел, как вы, доктор Линь, отправиться на поле боя и сражаться с врагами!

Линь Хуай не ожидал такого ответа. Он замер, а затем с улыбкой потрепал Цзи Ичэня по мягким волосам: Хочешь на поле боя? Смело. Но сначала вылечи свои раны. В будущем научись защищать себя, понимаешь?

Цзи Ичэнь послушно кивнул. Когда Линь Хуай ушел, уголки его губ изогнулись в лукавой улыбке. Отлично. Даже если Цзи Линьчэнь не возьмет его с собой, он может попросить Линь Хуая, чтобы тот взял его в армию. Это обеспечит успех его плана...

Дождавшись, пока Линь Хуай уйдет, Цзи Ичэнь толкнул дверь кабинета и тихо вошел. Цзи Линьчэнь лежал на диване, его дыхание было ровным — он спал. Цзи Ичэнь на цыпочках подошел ближе и остановился у края дивана, наблюдая за спящим.

Мужественное лицо с резкими чертами сейчас казалось необычайно мягким. Глаза, в которых обычно сияли звезды, были закрыты, длинные ресницы слегка подрагивали, будто от беспокойства. Тонкие губы были плотно сжаты, словно он пытался что-то подавить...

Нет, не надо...

Услышав, что Цзи Линьчэнь бормочет во сне, Цзи Ичэнь с любопытством наклонился, пытаясь разобрать слова. Кто бы мог подумать, что в тот момент, когда он придвинулся ближе, Цзи Линьчэнь резко откроет глаза, и в его глубоких, притягательных зрачках промелькнет

усмешка.

А!

В этот же миг чьи-то сильные руки крепко обхватили Цзи Ичэня за талию, притягивая к дивану. Цзи Ичэнь поскользнулся и упал прямо в теплые объятия. Секундой позже он понял, что по иронии судьбы поцеловал Цзи Линьчэня прямо в тонкие губы.

Да, именно так: они с Цзи Линьчэнем поцеловались!

Испугавшись, он тут же попытался вскочить и сбежать из этих теплых объятий, но Цзи Линьчэнь крепко удерживал его.

Ну что, воспользовался преимуществом и хочешь сбежать? Знаешь ли ты, что это был мой первый поцелуй? Ты должен нести за это ответственность... — Цзи Линьчэнь, казалось, ничуть не смутился, а лишь поддразнил его.

Поняв, что не вырваться, Цзи Ичэнь сдался. Он холодно усмехнулся, уперся руками в грудь Цзи Линьчэня и пробормотал: Хм, человеку под тридцать, а все еще первый поцелуй! Те, кто знает, скажут, что у вас, молодой господин Цзи, слишком высокие запросы, а те, кто не знает, подумают, что вы... ну, в этом плане неспособны~

Цзи Линьчэнь, который действительно только что лишился первого поцелуя, дернулся. Этот мелкий наглец смеет насмехаться над ним?! Жить надоело?!

Глядя на Цзи Линьчэня, который смотрел на него во все глаза, Цзи Ичэнь почувствовал, как внутри все сжалось. Он тут же достал яблоко, которое держал в руке, прижал его к груди Цзи Линьчэня и неловко улыбнулся: Я просто пошутил, молодой господин Цзи, не принимайте всерьез. Вот, это яблоко отличного сорта, возьмите, это мой подарок в знак извинения.

Цзи Линьчэнь смотрел в яркие глаза-фениксы, полные заискивания, и, прищурившись, спросил: Кто те люди, о которых ты только что говорил? Скажи мне.

Почувствовав, как сильная рука на талии сжалась, Цзи Ичэнь приподнял бровь и, не моргнув глазом, выпалил: Это доктор Линь сказал.

Услышав очередной бред, Цзи Линьчэнь с досадой усмехнулся: Линь Хуай сказал? Ну хорошо, посмотрим, как я с ним разберусь...

Цзи Ичэнь энергично закивал. Главное — спасти свою шкуру. Он мысленно извинился перед Линь Хуаем, но ведь у них с Цзи Линьчэнем такие отношения... «муж с мужем подрались — до заката помирятся», ничего страшного не случится...

Пока Цзи Ичэнь строил планы, Цзи Линьчэнь, заметив выражение его лица, одним движением перевернулся и прижал его к дивану.

Цзи Ичэнь, увидев неожиданный маневр, расширил глаза и ошарашенно спросил: Цзи... Цзи Линьчэнь, что ты делаешь?

На этот раз Цзи Ичэнь не назвал его «вы», не назвал «молодым господином Цзи». Похоже, этот малыш действительно решил проверить, где у Цзи Линьчэня предел терпения...

Уголки губ Цзи Линьчэня приподнялись, в голосе послышалась усмешка, а тон не терпел возражений:

Раз чужие слова не заслуживают доверия, может, сам почувствуешь, малыш?

Эти слова его по-настоящему напугали!

Цзи Ичэнь уловил в словах Цзи Линьчэня явную насмешку. Хотя говорил он несерьезно, в его глубоких глазах, которые сейчас были прямо перед лицом Цзи Ичэня, читалась предельная ясность и серьезность — ни капли шуток...

Он испуганно втянул голову в плечи и пропищал: Цзи... Цзи Линьчэнь, разве это хорошо? Если доктор Линь узнает, он разозлится...

Цзи Линьчэнь приподнял бровь: почему этот малыш постоянно твердит о Линь Хуае? Неужели он положил глаз на этого бесчувственного чурбана?!

В душе Цзи Линьчэня забили тревожные колокола. Он невольно сжал Цзи Ичэня еще крепче и низким голосом спросил: М? И что будет, если Линь Хуай узнает?

Цзи Ичэнь сморщил носик, глядя на этого неудовлетворенного мужчину, и подумал: «Черт, неужели такой здоровяк, как Линь Хуай, не может удовлетворить Цзи Линьчэня?! Смешно!»

Он попытался выскользнуть из-под ноги Цзи Линьчэня, но тщетно.

В конце концов, Цзи Ичэнь сдался. Он начал расстегивать воротник своей рубашки и, словно совершая «героическое самопожертвование», вытянул шею и пробормотал:

Раз уж вы, молодой господин Цзи, хотите за спиной у своего любовничка устроить интрижку, то... я сопротивлялся, но не смог, так что давайте.

Цзи Линьчэнь, который поначалу замер от неожиданного действия Цзи Ичэня, придя в себя, почувствовал, как его уши под волосами мгновенно покраснели.

Какой еще любовничек, какая интрижка? У него ведь даже... даже никого на «согрев постели» не было!

Он вообще-то честный... девственник...

Пока Цзи Ичэнь возился с пуговицами, Цзи Линьчэнь внезапно отстранился, схватил его за маленькие ручки и рывком поднял с дивана. Под недоуменным взглядом Цзи Ичэня он своими длинными пальцами принялся аккуратно застегивать пуговицу за пуговицей и серьезным тоном произнес:

Между мной и Линь Хуаем нет таких отношений, как ты думаешь. Линь Хуай любит женщин...

Цзи Линьчэнь хотел лишь сказать, чтобы Цзи Ичэнь не заглядывался на Линь Хуая — тот любит женщин, а не мужчин. Но в ушах Цзи Ичэня слова прозвучали иначе: Линь Хуай любит женщин, поэтому Цзи Линьчэнь не может добиться взаимности.

М-да, настоящая душераздирающая драма!

Так подумал Цзи Ичэнь, и в его красивых глазах-фениксах промелькнула жалость. Он погладил Цзи Линьчэня по растрепанным волосам и мягко прошептал: Не грусти, молодой господин Цзи. На свете много прекрасных цветов, зачем заикливаться на одном? Я уверен, с твоими способностями ты найдешь кого-то получше.

Цзи Линьчэнь опешил. Позволяя Цзи Ичэню гладить себя по голове, он подумал: почему ему кажется, что этот малыш снова все понял не так? Он вздохнул про себя: «Ладно, главное — дать понять, что Линь Хуай не любит мужчин, и выбить эту дурь из головы малыша».

Глядя на остолбеневшего Цзи Линьчэня, Цзи Ичэнь притворился, что все в порядке, встал и, сощулив свои красивые глаза, сменил тему: Молодой господин Цзи, вы не голодны? Я принес вам обед~

Цзи Линьчэнь очнулся от своих мыслей. Он покачал головой: сейчас ему хотелось не обеда, а поглотить этого сияющего человечка целиком.

Неизвестно когда, но этот малыш завладел всем его вниманием. Даже сейчас, когда они с Линь Хуаем обсуждали армейские дела, он постоянно отвлекался и думал об этом ребенке, из-за чего Линь Хуай даже спросил, не болен ли он...

В этот момент живот Цзи Линьчэня честно заурчал, отчего на его бледном, с легким загаром лице проступил неестественный румянец. Воздух между ними наполнился неловкостью.

Услышав это, Цзи Ичэнь прыснул со смеху: Молодой господин Цзи, ваш живот честнее, чем ваш рот~ Пожалуй, лучше я закачу сюда тележку.

<http://bllate.org/book/22217/2317446>